

Секция «Историческая политология, история общественных движений и политических партий»

Карьерные траектории высшего руководства КПСС 1985–1991 годов

Научный руководитель – Березкина Оксана Степановна

Кушхов Анзор Хачимович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра истории общественных движений и политических партий, Москва, Россия

E-mail: p602f@yandex.ru

В 1985–1991 гг. высшее руководство КПСС претерпело серьёзные изменения своего состава. Правомерно говорить о смене социокультурного облика советской политической элиты. С точки зрения анализа принципов рекрутирования ключевое значение имеют карьерные траектории будущих руководителей партии и государства: промышленная, сельскохозяйственная, научная, дипломатическая, военная, комсомольская и т.д.

Традиционно советская политическая система в большей степени опиралась на руководителей с промышленной биографией, хотя они могли быть выходцами из крестьянских семей: 39 из 78 высших партийных руководителей в 1953–1985 гг. имели опыт работы в промышленности [1, с. 76]. Более того, чаще всего это были люди, начинавшие свой путь в качестве рабочих, что свидетельствовало о высоком уровне социальной мобильности в советском обществе. Из всех членов высшего руководства КПСС в 1985–1991 гг. более 50% имели промышленную трудовую биографию, и около 20–25% были выходцами из комсомольских органов [6; подсчёты произведены автором на основе данных биографического справочника].

В марте 1985 г. в высшем руководстве КПСС сохранялось устойчивое преобладание лидеров с промышленной биографией, к каким относились 13 из 21 человек. Кроме того, 4 человека были выходцами из комсомольских органов и 2 – из научных учреждений. К 1991 г. из 37 членов высшего руководства 15 имели промышленную траекторию и 10 – комсомольскую. За пять лет доля членов Политбюро с промышленной траекторией снизилась в 1,7 раз (с 70% до 41,6%), а секретарей ЦК ровно в 2 раза (с 66,6% до 33,3%). Доля «комсомольцев» среди секретарей ЦК осталась неизменной (33,3%), но в Политбюро увеличилась в более, чем 4 раза (с 10% до 41,6%).

Видно, что общей тенденцией было увеличение числа «комсомольцев» в высшем партийном руководстве, вплоть до оспаривания первенства традиционно преобладающей промышленной группы. Скорее всего, здесь играет фактор смены поколений: если в начале 1985 г. М. С. Горбачёв был единственным «комсомольцем» в Политбюро и самым молодым членом высшего руководства КПСС, то к 1991 г. он уже относился к его старейшим членам, из «комсомольцев» уступая лишь М. М. Бурокаявичусу.

При этом сам М. С. Горбачёв никогда не придавал особого значения комсомольскому фактору, хотя и включил в состав Политбюро бывших комсомольских руководителей Е. К. Лигачёва и Э. А. Шеварднадзе. Резкий всплеск количества «комсомольцев» в высшем руководстве КПСС произошёл в 1990 г., после XXVIII съезда, когда руководители всех республиканских компартий были включены в состав Политбюро. Соответственно его можно объяснить не целенаправленной кадровой политикой М. С. Горбачёва, а скорее изменением среды, из которой рекрутировалась высшая политическая элита.

С этой точки зрения представляет интерес сопоставление приведенных данных с социальным составом КПСС в целом. На 1 января 1986 г. в КПСС состояло 19 млн человек.

Из них по социальному положению к рабочим относились 8,5 млн (45,5%), к служащим и всем остальным – 8,2 млн (43,2%), к крестьянам – 2,2 млн (11,8%). Если смотреть по роду занятий, то 5,78 млн относились к рабочим (30,4%), 7,89 млн – к служащим (41,5%) [1, Л. 37]. На 1 января 1990 г. рабочих насчитывалось 5,3 млн человек (29,5%), служащих – 7,7 млн человек (43,2%) [2, Л. 2–5]. Таким образом, уже к началу «перестройки» КПСС представляла собой организацию, весьма далёкую по своему социальному составу от образа партии – авангарда рабочего класса. Данные о ежегодном приёме кандидатов в члены партии в 1985–1991 гг. свидетельствуют о том, что количество рабочих неуклонно снижалось: в 1986 г. доля рабочих составляла 54%, служащих – 37%, в 1987 г. – 53,1% и 37,8%, соответственно, в 1988 г. – 45,8% и 44,4%, в 1989 г. – 34,9% и 54,2%. Видно, что рабочие со временем были все меньше заинтересованы в членстве в КПСС. Власть пыталась сохранить их преобладание в партии, но динамика общественных процессов оставляла мало шансов для этого, особенно в условиях текущей политической конъюнктуры, не прибавлявшей коммунистам популярности и легитимности. Можно сделать вывод, что традиционные механизмы рекрутирования партийной элиты с преобладанием лидеров «промышленников» с этой точки зрения выглядят как нечто, сохранявшееся скорее по инерции, в силу возраста руководителей.

Если проанализировать занятость коммунистов в сферах общественной деятельности, то можно заметить, что доля занятых в промышленности составляла 29–30%, тогда как доля работников профсоюзных и комсомольских органов – всего 0,5% [3, Л. 45]. Таким образом к концу «перестройки» самая маленькая группа партийцев (работники профсоюзных и комсомольских органов) оказалась сверхпредставленной в высшем партийном руководстве. На наш взгляд, это обстоятельство было связано с изменением роли, которую КПСС занимала в обществе. Инициированные М. С Горбачёвым реформы поставили перед коммунистами задачи, связанные с публичной политической борьбой. Партия эволюционировала в сторону «реальной устойчивой федерации добровольных коммунистических организаций, подготовленных для ведения общественно-политической работы в условиях состязательной демократии» [6, с. 290]. Парадокс ситуации заключался в том, что демократизация политической системы создавала необходимость в профессиональных публичных политиках, т. е. создавала предпосылки к усилению элитаризации внутри партии. Напротив, прежнее значение утратили массовость и открытость КПСС для непривлекательных социальных групп, что ранее было крайне важно для её легитимации.

В целом смена карьерных траекторий в высшем руководстве КПСС отражала объективные тенденции советского общества, но представляла собой стихийный процесс, который не мог повысить шансы партии на успешное проведение реформ. На наш взгляд, причина состоит в том, что у руководства КПСС не было чёткого представления, какое место партия должна занять в обществе по итогам преобразований. Более того, можно говорить о непонимании руководством КПСС социальных процессов, происходивших в СССР с конца 1970-х гг. как об одной из фундаментальных причин её краха.

Источники и литература

- 1) РГАНИ, Ф. 77, Оп. 5, Д. 5.
- 2) РГАНИ, Ф. 77, Оп. 6, Д. 11.
- 3) РГАНИ, Ф. 77, Оп. 6, Д. 22.
- 4) Абрамов А. В. Карьерные траектории членов высшего руководства КПСС в 1953–1985 гг. // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление. № 4, 2017. С. 72–88.

- 5) Волгин Е. И. Эволюция КПСС в 1985–1991 гг.: историко-политологическое исследование: диссертация . . . кандидата политических наук: 23.00.02. – Москва, 2001.
- 6) Чернев А. Д. 229 Кремлёвских вождей. Политбюро, Оргбюро, Секретариат. Справочник. М.: Редакция журнала «Родина»; Научный центр «Руссика». 1996. 336 с.